

НЕДЕЛЯ 2-я ВЕЛИКОГО ПОСТА. БОРЬБА ЗА МОЛИТВУ

Почему в один из воскресных дней (или, правильнее, в одну из Недель) Великого поста мы вспоминаем святителя Григория Паламу, архиепископа Фессалонитского? Пост называют временем воздержания, покаяния и молитвы. А святитель Григорий является одним из совершеннейших учителей молитвы в истории Православной Церкви. Более того: именно он смог объяснить, каков может и должен быть плод молитвы в его совершенном виде — когда молитва превращается из «благочестивого упражнения» в средство подлинного богообщения; когда в ней совершается преобразование, ветхий человек умерщвляется и рождается новый, способный по благодати зреть Свет Божества, пребывать в огне Божественной любви и не быть опаляемым им, подобно купине.

Говоря о духовной жизни, о мере своего личного преуспевания в ней, мы часто бываем склонны указывать на время, в которое мы живем, на людей, которые нас окружают, на обстоятельства - как на серьезнейшие к этому преуспеванию препятствия. И многое из того, на что мы в таких случаях ссылаемся, — действительно преграда. Атмосфера, в которой находится человек, наличие или отсутствие примеров добродетели – все это оказывает на него огромное влияние, в значительной степени определяют его внутреннее состояние. Однако есть и еще один крайне существенный момент, о котором мы «благополучно забываем».

Святитель Григорий вошел в историю не только как выдающийся аскет и богомудрый архипастырь, не только как замечательный богослов и церковный писатель. С его именем связана известная полемика по поводу природы того Света, который созерцали в молитве афонские иноки-исихасты. Полемика, увенчавшаяся победой — даже не его победой, а точнее сказать — Божественной истины. Почему не могли ученый муж Варлаам Калабрийский и его сторонники принять, вместить опыт святогорских отцов? Почему он казался им фантазией, прелестью и даже ересью? Почему они этот опыт уничижали и высмеивали? Потому что сами такого опыта не имели. Их жизнь не была подвигом, не была посвящена единому на потребу, не устремлялась вся к тому, что именовал преподобный Серафим «стяжанием Духа Святого». Они не жили молитвой и не знали Бога, открывающегося усердно ищущим Его. Они знали о Нем и не знали Его — такое бывает, к сожалению, очень часто. В одной Церкви находятся люди, в одних и тех же Таинствах участвуют, от одной Божественной Трапезы питаются, и даже, если о молитве говорить, одни и те же молитвы читают... И такая колоссальная разница, что пропасть меж теми и другими лежит.

Но это не та пропасть, через которую не перейдешь: мостик через нее всегда перекинут. Стань делателем — ревностным, неустанным — и ты обязательно хотя бы краешком сердца почувствуешь то, что чувствовали святые, прикоснешься к тому сокровищу, ради которого они оставляли и в прах вменияли все, что имели, и поймешь, что по сравнению с ним весь мир не стоит ничего.

Делателями были афонские монахи, и результат их делания — сердечная чистота, которая, по слову Евангелия, делает для твари возможным зрение Творца. Этот результат не оставлял сомнения в том, что созерцаемый святогорцами Свет не был некоей «иллюминацией», не был плодом горестного самообольщения, а был - Светом Божественным, Нетварным.

Не были такими делателями Варлаам и его союзники и потому оказались духовно слепы, уничижили и осмеяли дар благодати.

И не будет, мне кажется, ошибкой сказать, что и мы все время являемся в каком-то смысле участниками все тех же паламитских споров. Только выступаем мы в них - то на одной стороне, то на другой.

Когда мы подвизаемся в молитве, когда по усердию нашему, а паче по милости Своей, подает нам в ней Господь радость и утешение – мы единомысленны и единомысленны со святителем Паламой и отцами-афонитами; хоть и в малых крупицах, но нам открыт и ясен их опыт, так что писания Фессалоникского архипастыря лишь уясняют нам то, что мы начинаем понимать уже сами. А когда сводится вся наша христианская жизнь лишь к некоей констатации того факта, что мы христиане, к исповеданию веры внешнему, к **вычитке**, а не молитве, тогда небо оказывается закрытым для нас и жизнь не воспринимается, как чудо. И мы вместе с Варлаамом удивляемся и сомневаемся: да разве

возможно то, о чем говорят эти аскеты? Скорее всего, они просто слишком много постятся и слишком мало спят...

Слишком часто молитва, относясь по самому существу своему к области духовной, внутренней, оказывается оттесненной к сфере делания внешнего. Для многих людей чтение даже небольшого утреннего или вечернего молитвенного правила оказывается делом трудноисполнимым, вызывающим массу оговорок и нареканий: «Я был (была) бы рад (рада), но...» и далее следует целый список объяснений, почему чтение всех утренних и вечерних молитв решительно невозможно. При этом, однако, возможно многое другое. Разговор по телефону о погоде, просмотр мало отличающихся друг от друга по содержанию новостей в Интернете, долгое домашнее обсуждение какой-нибудь застарелой проблемы, разрешение которой от этого переливания из пустого в порожнее нимало не приближается. Ну, и, разумеется, телевизор. На него время находится практически всегда, он — вне конкуренции.

Безусловно, дело не в том, что молитва требует какого-то продолжительного времени. Она требует внутренних усилий — не всегда больших, но просто непривычных для того, кто такие усилия себя делать регулярно не заставляет. Она требует некоего «умирания» для дел, интересов, правил этого мира — хотя бы кратковременного, на 15-20 минут утром и на столько же вечером. Почему? — Потому что для того, чтобы молиться, а не **вычитывать**, необходимо **упраздниться** от всего, что не есть Бог. От всего, что отвлекает, уводит от Него, встает во время молитвы между нами и Им. Это дается необычайно трудно, мучительно, но именно тут — корень, сердцевина всей нашей христианской жизни. Так проверяется, что мы любим больше — Бога или мир и все, что в нем. Или, по крайней мере, что мы стремимся больше любить, что выбираем.

Вот почему столь важна молитва: она не только средство общения с Богом (хотя, кажется, что важнее этого?), она сама по себе, по тому, как мы относимся к ней, определяет всю нашу христианскую жизнь, все наше внутреннее содержание. Если мы верим, если Господь для нас — реальность, то молиться для нас так же естественно, как есть, пить, дышать; если же молитва воспринимается как помеха, как что-то отрывающее нас от более важных дел, от чего-то, в сравнении с чем она представляется вещью незначительной, то какая уж может быть вера? Только та разве, которую называет апостол мертвой. Сурово? Но так оно и есть. И если мы это понимаем, то — все в наших руках. А если предпочитаем, «видя не видеть», то... пожалуй, мы уже в чьих-то руках. Только в чьих?

Впрочем, бывает и так, что и понимаем, и принимаем мы необходимость молитвы. И не как к чему-то внешнему к ней относимся, а дорожим возможностью хотя бы какое-то время в течение дня обращаться к Богу прямо, непосредственно, иногда молясь Ему словами, которые когда-то родились в сердцах святых и теперь становятся постепенно такими же родными и для наших сердец, иногда же говоря Господу о «своем» так, как это получается лично у нас. Мы уже и от разговоров лишних телефонных уходим, и от переливания из пустого в порожнее в беседах домашних. И даже телевизору чуть ли не бойкот пожизненный объявили. Но вот беда: все идет кувырком. Так день складывается, так подбираются дела, обстоятельства, так поступают с нами люди, словно они решили прогнать молитву из нашей жизни, не оставить ей никакого места. Это не они — люди, обстоятельства, дела. Это враг. Потому как ничто не мешает ему в такой степени, как молитва. Не мешает так губить нас. И, будучи хитрым и изобретательным, он использует для этой цели все — и людей, и дела, и обстоятельства. Так что кажется порой — ничего не поделать, безысходность какая-то...

Однако есть и у нас против него своя хитрость, свой «секрет». Бог ищет в молитве, как и во всем прочем, прежде всего нашего произволения. Было бы оно только, а все остальное Он Сам обязательно устроит. И потому вот, что важно: дать молитве в жизни своей не просто место, а место первое. Это не значит, что мы должны проводить в ней большую часть дня, что нашим постоянным спутником должны быть молитвослов или четки. Нет, речь о малом идет. Есть у нас правило — пусть небольшое, соответствующее нашим небольшим духовным силам, — значит надо выполнять его, во что бы то ни стало. Борьбаться за него всеми силами, не уступая ни на шаг. Подсказывает нам наше сердце, что нужно о чем-то Господу помолиться, попросить помощи, вразумления, утешения, прощения, — не надо откладывать. Выдалась свободная минутка, час или два — уделить хотя бы какую-то часть этой свободы молитве. Уже не как средству у Бога что-то попросить, а как возможности с Ним побыть...

...Когда становится жизнь человека такой борьбой, многое изменяется в ней, многое он начинает видеть и понимать совсем иначе. Многое... В том числе и учение святителя Григория Паламы, точнее — Церкви Православной — о Нетварном Божественном Свете, и о том, как сподобиться зрения его.

Игумен Нектарий (Морозов)